

**Русская философия в современном мире: контексты актуальности.
Материалы “круглого стола”**

В 2016 г. в Институте философии Санкт-Петербургского государственного университета открылась кафедра истории русской философии и культуры. Это событие стало поводом для обсуждения проблем современной русской философии в контекстах актуальности на “круглом столе”, проведенном под эгидой журнала “Вопросы философии” и Института философии СПбГУ. В области исследований истории русской философии сделано так много и столь основательно, что это позволяет сегодня поставить вопрос об актуальности русского философского наследия, об обращении к его идейному потенциалу для решения встающих ныне философских проблем и даже о формировании современной русской философии как составляющей мирового философского процесса. Исследования по истории русской философской мысли прошли у нас в стране ряд этапов. В 1990-х гг. был этап публикаторский, посвященный изданию работ русских философов, прежде недоступных отечественному читателю. Второй этап архивно-исследовательский, историко-философский (с начала 2000-х гг.) возвращал и восстанавливал то, что было недосказано русскими философами в “прерванном полете” их мысли. В это же время исследователи русской философии стали предпринимать все более основательные попытки включить идеи русских философов XIX–XX вв. в контекст современной философской проблематики. И на фоне такого рода разработок, направленных на актуализацию идей и традиций русской философии, сегодня начала обретать все более четкие очертания новая исследовательская перспектива (третий этап) – обращение к русской философии как коренящемуся в русской культуре целостному культурно-историческому феномену, соединяющему в себе и религиозные, и позитивистские, и феноменологические ориентации. Здесь в центре историко-философского исследования оказываются взаимовлияния философов, их архив, переписка, личное общение. А в содержательном плане особый концептуальный интерес вызывают своеобразные трактовки весьма актуальных сегодня философских тем – общения, языка, смысла истории, сознания и познания, а также образования. Прежде всего, на обсуждение этих тем в контексте традиции русской философии и культуры направлен этот круглый стол.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история русской философии, методология гуманитарного исследования, философское образование, культурно-историческая эпистемология, философский язык (дискурс), архив, рецепция, историческая реконструкция.

Участники:

ПРУЖИНИН Борис Исаевич – доктор философских наук, главный редактор журнала “Вопросы философии”, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, профессор кафедры философии Дальневосточного федерального университета (ДВФУ), Владивосток, профессор Школы философии Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, Москва. prubor@mail.ru

ДУДНИК Сергей Иванович – доктор философских наук, директор Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург. s.i.dudnik@gmail.com

ГРЯКАЛОВ Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии и общественных коммуникаций института философии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург. alexalgr@mail.ru

ЕРМИЧЁВ Александр Александрович – доктор философских наук, профессор Русской христианской гуманитарной академии, Санкт-Петербург. 7723516@gmail.com

ИСУПОВ Константин Глебович – доктор философских наук, профессор кафедры эстетики и этики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, профессор Русской христианской гуманитарной академии. Санкт-Петербург. kgisupov@mail.ru

КАМНЕВ Владимир Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург. kamnevvladimir@yandex.ru

КУЗНЕЦОВ Никита Всеволодович – доктор философских наук, доцент кафедры конфликтологии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург. nikita2554@mail.ru

МАЛИНОВ Алексей Валерьевич – доктор философских наук, профессор кафедры русской философии и культуры Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург. a.v.malinov@gmail.com

ОСИПОВ Игорь Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург. idosipov@mail.ru

САВЧУК Валерий Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург. vvsl771@rambler.ru

СОКОЛОВ Евгений Георгиевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой русской философии и культуры Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург. egslov@gmail.com

ЩЕДРИНА Татьяна Геннадьевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета, профессор кафедры философии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, редактор журнала “Вопросы философии”, Москва. tannirra@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 10 октября 2016 г.

Цитирование: Русская философия в современном мире: контексты актуальности. Материалы “круглого стола”. Участники: Б. И. Пружинин, С. И. Дудник, А. А. Грякалов, А. А. Ермичѳ, К. Г. Исупов, В. М. Камнев, Н. В. Кузнецов, А. В. Малинов, И. Д. Осипов, В. В. Савчук, Е. Г. Соколов, Т. Г. Щедрина // Вопросы философии. 2017. № 4. С. 116–138.

*Пружинин**: Сегодня мы собрались здесь для того, чтобы еще раз обсудить перспективы разработки русской философии, направления ее развития как целостного интеллектуального феномена отечественной культуры. Поводом является создание в Институте философии СПбГУ кафедры истории русской философии и культуры. Повод очень радующий, поскольку, на мой взгляд, объединение усилий историков русской философии и культурологов, разрабатывающих проблематику русской культуры, отвечает потребностям времени. Заниматься только прошлым русской философии сегодня уже недостаточно – полноценное восстановление отечественной интеллектуальной традиции требует внимательного отношения к контексту ее формирования и актуализации, соотнесения с современной философской проблематикой.

Понятно, что процесс этот не простой, проблемный по самой сути. А для конструктивного решения любой проблемы важна дискуссия, важен разговор. Это тривиальная констатация. Интересно другое, разговор как одна из специфических форм философского дискурса был весьма характерен именно для русской философии. И, начиная

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ. Проект № 16-03-00704 “Реконструкции как методологические приемы в контексте актуализации исторического познания: эпистемологический анализ” The research was made with the financial support from RFH, project № 16-03-00704 “Reconstructions as methodological ways in the context of actualization of historical cognition: epistemological analysis”.

этот разговор о проблемах и перспективах актуализации русской философской традиции, я хочу рассказать об опыте работы в этом направлении в рамках издания серии “Философия России первой половины XX века”.

За 5 лет (с 2012 г.) в этой серии вышло уже 25 томов, посвященных творчеству русских философов. Но начиналась эта работа много раньше. Фактически издание было задумано как очередной этап исследований по русской философии. Был этап, когда в “Вопросах философии” в рамках серии “Из истории отечественной философской мысли” начались публикации русских философов, не публиковавшихся в советское время. Книги снабжались лишь короткой справкой об авторе и его идеях. Тогда это было важно и нужно. Сегодня работы, по крайней мере, известных авторов практически все опубликованы и доступны. Следующий этап – разворачивание обстоятельных исследований (по сути историко-философских) идейного наследия русской философии XIX – первой половины XX в. Ведь то обстоятельство, что я без переводчика читаю Бердяева, еще не означает, что я понимаю, а чем он писал. Он ведь писал в свое время, его идеи звучали в контексте его эпохи, а мы в своем времени и контексте живем. Изменилась терминология, сдвинулись смыслы понятий, по-другому звучит даже вечная философская проблематика, смысловые оттенки которой всегда актуальны в контексте своего времени. Понимание наследия русских философов требует обстоятельного комментирования, проникновения в глубину, так сказать, текстов. Эта работа сейчас идет, причем идет очень успешно. Именно как результат уже проделанной работы сегодня возникла потребность в актуализации русской философской традиции, потребность в экспликации ее идейного потенциала в контексте современных проблем российской и мировой философии.

Это сегодняшний запрос к философской работе над нашим идейным наследием – актуализировать русскую философию как целостный культурный феномен русской и мировой культуры, чтобы сегодня включиться в отечественную философскую традицию. Очевидно, что на нынешнем этапе работы мы вынуждены решать задачи уже не узко историко-философские, но фундаментальные философские и культурные. Русская философия рубежа веков выступает здесь уже как целостный культурный феномен, как важнейшая компонента современной русской и, в этом качестве, мировой культуры. Мы должны ответить на вопрос: зачем нам сегодня нужен Г. Флоровский? Зачем мы его издаем? Зачем нам нужен Н. Бердяев? Зачем – И. Ильин? В качестве музейных экспонатов? Или они необходимы нам, чтобы понять себя в XXI в.? Надо же разобраться во всем этом.

И вот здесь, при такой постановке вопроса об актуальности, в ходе издательской работы над серией, стал оформляться третий этап исследований в области истории русской философии. Чем интересен этот этап? Прежде всего произошла консолидация философского сообщества как российского, так и зарубежного. В настоящее время в подготовке томов серии по русской философии участвуют более 150 авторов, которые реально занимаются историко-философской работой как исторической, так и культурологической. Можно сказать, что произошло сближение историков русской философии, культурологов, занимающихся проблемами русской культуры, а также славистов-русистов всего мира. Организационные формы и траектории этого сближения представляют своего рода интеллектуальный опыт для содержательного функционирования вновь открытой кафедры истории русской философии и культуры в Институте философии СПбГУ.

И еще. В процессе работы над томами стали вырисовываться очень интересные особенности русской философской мысли. О них я очень кратко скажу, ибо надеюсь, что этот круглый стол что-то прояснит и в этой теме. Во-первых, как мы уже писали с Татьяной Геннадьевной, вся русская философия – это целостный культурный феномен [Пружинин, Щедрина 2015]. Целостный! Она не сводится ни к религиозной компоненте, ни к позитивистской, ни к экзистенциалистской, ни к идеям Сеченова и Павлова... И ее целостность воплощается, прежде всего, в ее внутренних тематических связях. Я для иллюстрации только одну связующую тему здесь отмечу, поскольку она

затрагивает мои собственные научные интересы: лекции Г. Шпета слушал Р. Якобсон. Позднее Якобсон со Шпетом общался в Лингвистическом кружке в Москве; потом Якобсон выехал за границу и вынес ряд семиотических идей Шпета, которые, по его собственному признанию, воплотились в структурной лингвистике, затем в структурной антропологии. А еще позднее вернулись к нам через Ю. Лотмана. Но в это же время, наряду со Шпетом, семиотической тематикой занимался П. Флоренский. Занимался естественно, по-своему, на другом философском полюсе, но занимался.

Кроме того, целостность русской философии обнаруживается в личных связях и общении. И сама идея разговора (не коммуникации) как формы развертывания философского знания есть тема, работающая на ее целостность. Шпет дружил с Шестовым. А что у них общего? Они рассказывали друг другу о своих идеях, они именно разговаривали (что особо хочу подчеркнуть в контексте нашей сегодняшней разобщенности). В томах серии эта тема отражается в фоторядах и биографической составляющей. И, в свою очередь, эта тема отправляет исследователей русской философии в архив. Причем работа в архиве с эпистолярным наследием, с рукописями и черновиками придает феномену русской философии, как это ни покажется парадоксальным, особую актуальность, ибо раскрывает ее как феномен русской культуры.

И в качестве заключения замечу. Я очень надеюсь, что сказанное мной может рассматриваться как аргумент в поддержку новой кафедры СПбГУ – кафедры истории русской философии и культуры, потому что рассуждать о философских идеях вне контекста бессмысленно. А контекст, где возможен серьезный философский разговор, – это прежде всего культура, национальная культура.

Дудник: Хочу сказать несколько слов об этой кафедре. Изучение истории русской философии и русской культуры в Санкт-Петербургском государственном университете началось задолго до основания соответствующих кафедр: у истоков стояли профессора А. И. Введенский и Э. Л. Радлов (см.: [Дудник 2015; Осипов 2016]). Новейшая история началась в июне 1990 г., когда по инициативе Ю. Н. Солонина, в тот период декана философского факультета, была открыта кафедра истории русской философии. За истекшие четверть века на кафедре работали виднейшие специалисты по истории отечественной мысли: профессора А. Ф. Замалеев, А. А. Ермичев, В. С. Николенко, И. Д. Осипов, А. И. Бродский, Н. И. Безлепкин, А. В. Малинов. В январе 2016 г. по инициативе профессоров кафедры и при поддержке руководства Института философии кафедра была реорганизована и стала именоваться кафедрой истории русской философии и культуры. Основанием для такой перемены было не только и не столько административная нужда, но смысловая целесообразность, ибо пришло осознание – и об этом, в частности, речь на нашем круглом столе, – что отечественная мысль – это целостное явление, и неравномерно отделять сугубо философские изыскания от связей с русской культурой. Исполняющим обязанности заведующего кафедрой был назначен доктор философских наук, профессор Е. Г. Соколов. Сегодня на кафедре работают доктор философии, профессор (А. Ф. Замалеев, А. В. Малинов, И. И. Евлампиев), кандидаты философских наук, доценты (А. Е. Малинов), старшие преподаватели А. Н. Колосков, С. Г. Коленко, С. А. Троицкий. Кафедра издает (с 1994 г.) специализированный журнал по истории русской философии и культуры “Вече”. Кроме подготовки специалистов и бакалавров по соответствующим образовательным программам (философским и культурологическим) уже 7 лет на кафедре успешно работает магистерская программа “Русская культура”. Именно она вызывает наибольший интерес у отечественных и иностранных абитуриентов. Это побудило инициировать открытие аналогичной магистерской образовательной программы на английском языке, что может быть воспринято неоднозначно. Но при всех очевидных и ожидаемых возражениях одно несомненно: кроме существующего запроса – это в большей степени формальное основание – открытие магистерской программы “Русская культура” на английском языке, ориентированной на иностранных студентов, будет способствовать распространению знаний об истории, культуре и философии России.

Пружинин: Кто готов продолжить разговор?

Ермичѳ: Позвольте мне. Направляясь сюда, я знал, что должен сказать: “Как хорошо, что кафедру истории русской философии определили как кафедру русской культуры и философии”. Это превосходно потому, что не разделяются философские идеи и контекст их возникновения, существования и функционирования. Кто нашел такое название? Сергей Иванович, предложенное Вами очень неплохо.

При этом мы воспитывались у Анатолия Андриановича и Петра Федотовича; я говорю о Галактионове и Никандрове. Для них история философии – это, прежде всего, история идей. Сегодня внимание к контексту идей могут позволить себе филологи. Найдут бумажку – а ею оказывается записка Пушкина “Митрофан, передай такому-то десять рублей” – и такой грохот из этого устраивают: несколько статей напишут, а то и специальную конференцию соберут. У нас такого нет. Мы считаем для себя зазорным копаться в архивах, зазорным смотреть старые газеты. А я, кстати, в качестве примера, могу сказать, что нашел великолепные воспоминания Е.А. Боброва об А.А. Козлове, об этом раскаявшемся нигилисте. В воспоминаниях Козлов предстает одним из героев Достоевского. Христианский мыслитель Козлов по молодости был крутым разночинцем, вплоть до участия в ишутинском кружке. Это потом Козлов стал Козловым, которого мы все знаем. Историко-культурный контекст для историка русской философии совершенно обязателен, поскольку русскую философию можно определить как “противоречивую целостность идей самого различного содержания” [Ермичѳ 2014, 702], как “совокупность всех философских идей, включенных в историю и культуру России – государственно-культурного образования, возникшего в начале IX века и существующего по сей день” [Там же, 691]. В таком случае еще вырисовывается другая проблема. Проблема, которая была обозначена Семеном Людвиговичем Франком, который говорил: “Да, конечно, имеются в русской мысли философские работы. Но все-таки то, что мы привычно именуем русской философией, лучше обозначить как русское мировоззрение”. И вот теперь, когда мы в новом названии кафедры так плотно помещаем философию в контекст русской культуры, мы обязаны задуматься: все-таки то, что мы называем русской философией – это действительно философия? Или, быть может, это то, что Франк более удачно назвал русским мировоззрением? Вспомним рецензию Франка на исследование Зеньковского по истории русской философии. Франк упрекает Зеньковского за то, что он включает в историю русской философии Белинского. Ему непонятно, как можно включать в разряд философов Розанова. Франк в такой резкой форме и перед нами поставил вопрос: историей чего мы занимаемся? Мы молчаливо предполагаем: “Да, это и есть история русской философии”. Философии ли?

Пружинин: Кто продолжит?

Грякалов: Скажу, прежде всего, что рад всех видеть – наших московских гостей, петербургских коллег. Философия, как известно, рождается в пределах некоторого сообщества. И, конечно, создание новой институции – это знак фиксации тех направлений, которые могут быть сегодня развиваемы. Вообще, вот вопрос: *философия* ли русская философия? Вопрос не новый, но не утративший актуальность. А китайская философия – это философия ли? Даосы? Конфуцианцы, материалистические школы? Поэтому когда мы позиционируем себя через некоторое “Не-Я” – вот есть “Я”, а есть вполне философски определенное “Не-Я”, и “Не-Я” несомненно более значимое, чем “Я”, это малопродуктивный ход для самоопределения. Философия произрастает в определенном месте. У мысли есть своя окрестность.

Значит, в самой русской философии есть потенциалы, которые могут развиваться вместе с мировой мыслью, но особым образом. Вот Розанов говорил, что русская философия станет интересна в середине XX в. Правильно. Социальная и антропологическая проблематика стала ключевой. Встали вопросы о понимании, о топологической субъективности, о свидетеле. Встал вопрос о самой временности. Это, кстати, один из возможных ответов постмодернистскому релятивизму. Философия одна потому, что мир один. Но путей философских много. И ход, который предлагает русская традиция и в ее “жестких” вариантах, я имею в виду неокантианцев и феноменологов, и в традициях таких мыслителей, как Лев Шестов, Розанов, Флоренский, русские

неоперсоналисты, оказывается действенным. Можно говорить об особом роде целостности, что само по себе требует внимания и анализа. Позиции способны выстраиваться в некоторую дополнителность. И еще один момент. Мне кажется, что очень важно осмыслить некоторые приоритетные сюжеты. То есть как бы стержневой путь актуального понимания. Вот из учебника в учебник, ну, ладно, учебник он и есть учебник, кочуют альтернативы: славянофилы — западники, почвенники — либералы и т.д. Ну, уже писали и Вейдле, и Зеньковский, что давно все яды Запада вошли в нас, и отравили нас, и мы уже этим всем схвачены. Надо осознать это присутствие и действие. Но тихое, как Розанов говорил, нашептывающее влияние русских на Европу тоже сказывается. Поэтому нужно по возможности уходить от этих стершихся альтернатив. Что я имею в виду? Находить смысловые и ценностные константы, которые в разных контекстах по-разному интерпретируются, но существуют и действуют. Да, вот эти сингулярные данности. Линия жизни на ладони у каждого неповторима, но она есть у всех. Я имею в виду именно константы русской культуры. К примеру, вера — неверие. Я проделал такую работу, посмотрел на тему веры — неверия у Пушкина, Розанова, и у “прозванного гения” русской литературы XX в. Сигизмунда Кржижановского. У всех есть тема вера — неверие. Но у Пушкина это *онтология*, он и неверие принимает потому, что вера гораздо объемнее и бытийно предпочтительней. Розанов создает экзистенциальную веру, а Сигизмунд Кржижановский конструирует веру уже как некоторую виртуальную реальность. Он говорил: “Был Бог — не было веры. Не стало Бога — появилась вера”. То есть нужно отслеживать такие константы, которые могут и не отделять нас, и не сливать, а показывать родство и своеобразие. В частности ценить то, что проделали русские формалисты. Да, они занимались литературой: Шкловский, Эйхенбаум, Тынянов, Роман Jakobson. Методология и эстетика русской формальной школы была воспринята в отечественном и мировом контексте. Роман Jakobson уехал в Прагу, оттуда в Америку, во многом благодаря усилиям ученых из России был организован Пражский лингвистический кружок, инициированы динамические изменения во французском структурализме. Правда, придется хоть и с оговорками, снова сказать, что “русский лен вернулся домой голландским полотном”. Нужно отслеживать влияние одной позиции на другую. Если бы не было Бахтина, то мы бы по-другому читали Достоевского. Какие-то смысловые вещи были бы от нас скрыты. Можно спорить: “так — не так”, но тем не менее формы взаимопроекции и рецепций очень значимы. Вот это нужно иметь в виду, выстраивая актуальное исследование. Конечно, нельзя взять и придумать “русскую идею”. Это политик может сказать: “Создайте русскую идею!” Но ему хорошо говорить, особенно если он был главный. А идею можно только возвращать, ответственно возводить.

И с этим связаны следующие узловые моменты нашей работы. Важен поворот, который может быть назван топологическим. Книге “Письмо и событие” [Грякалов 2004] я дал подзаголовок “Эстетическая топография современности”. У В. В. Савчука книга [Савчук 2012] посвящена топологической рефлексии. Книга В. А. Подороги [Подорога 2013] посвящена метафизике ландшафта. Вот примеры внимания к константным характеристикам культуры. Это чрезвычайно значимая для отечественной мысли тема расположенности, оформленности, структурности, настроенного ландшафта. Тема прямо соотносена с философией события. Это топологический сюжет, когда разные позиции сходятся в событии, и с ним труднее всего разбираться. Эти вещи нужно продумывать и в том числе, соответственно, ориентировать молодых коллег. Еще одно мое пожелание — обратить внимание на “утверждающий” эстетический опыт современной культуры: философия призвана поддерживать существование.

Пружинин: Очень точно сказали: возвращать. Какую возрастим, такая и будет. Спасибо.

Ермищев: Алексей Алексеевич, конечно, философия должна поддерживать жизнь. Но все же конкретнее — как это делать историку философии? Как можно актуализировать проблему, к которой когда-то, пятьдесят, сто лет назад прикоснулся кто-то из

мыслителей? Конкретно, что значит актуализация? Вписывание в контекст современных парадигм мышления или как?

Савчук: Я попробую ответить? Лет пять тому назад у меня была работа “О ресурсе русской философии” [Савчук 2009]. Я задался вопросом: каким образом и в каком виде сегодня может быть востребована и как может существовать русская философия в современном контексте. Ибо, как показал опыт последних десятилетий, в ситуации культурного, демографического, финансового и экономического кризиса интеллектуалы и эксперты не обращаются в их преодолении к идеям русских философов. Исходя из этого, можно было бы сделать вывод об *исчерпанности* ресурса нашей философии, поскольку налицо крайне редкое привлечение ее для решения актуальных проблем. Почему сложилась такая ситуация? Почему современные авторы не вступают с ней в диалог? Почему не взращивают? За ответом пойду верным путем, издалека. В свое время опрос философов “Являешься ли ты русским философом?” показал, что большинство ответов было отрицательным. Сложилось устойчивое мнение, что русский философ — это тот, кто занимается историей русской философии. А я же, отвечали мне, историк западноевропейской, индийской, античной философии, либо: “Я занимаюсь аналитической философией”, следовательно, я аналитический философ, или я феноменолог и т.д. А если спросить, есть ли современные немецкие или французские философы, ответ будет однозначно положительным. Более того, на слуху выражение “французский дискурс”, “американская аналитическая философия”. Никто так не отказывается от национальной принадлежности с такой истовостью, как отечественные мыслители (чем, собственно, и подтверждают к ней причастность). В Европе же существуют три философские сверхдержавы. В начале XX в. мы могли бы стать четвертой, но по известным обстоятельствам этот исторический шанс был упущен, и культурная традиция большей частью прервана. Возникает вопрос: а что сегодня можно сказать из перспективы русской философии? Каким образом мы можем актуализировать русскую философию и как отнестись к тому наследию, которое у нас есть? Во-первых, первый и весьма важный шаг, который вы (Татьяна Геннадьевна, Борис Исаевич и ваши коллеги) делаете, открываете доступ к источникам, публикуете архивы, дабы по поводу взглядов того или иного автора не обращаться к архивам или же в лучшем случае дореволюционным изданиям. Нам нужны заполняющие лакуны фундаментальные издания важнейших русских философов, подобно тому, как делает, например, немецкое издательство Klosterman. Во-вторых, доступность всех этих текстов в Сети. Эта программа, кстати, могла бы быть поддержана государством. Полагаю, многие сталкивались с ситуацией, когда в исследовании той или иной проблемы проще найти точки зрения западных философов, чем отечественных. Любую тему, которую берет аспирант (и здесь не важна дисциплина, будь то онтология или медиафилософия, эстетика или культурология), — первым делом он обращается к античным и реже средневековым философам, а затем к французским, американским или немецким авторам. И почти всегда пропуская труды на эту тему отечественных мыслителей. Тем самым огромный пласт русской мысли просто не участвует в современных исканиях мыслителей. Сложившаяся практика давать рецензировать работы исключительно специалистам из своей области усугубляет проблему, поскольку специалист по аналитической философии всегда укажет на существование работ в своей сфере интересов, не задействованных автором. Пусть это прозвучит парадоксально, но почему бы не давать рецензировать работы на актуальные философские темы “насилия”, “чужого”, “удовольствия”, “медиа”, “идентичности” и пр. рецензенту из департамента русской философии, который, возможно, указал бы на ресурс русской философии, на работы прямо и непосредственно касающиеся темы, например, диссертационного исследования? Заострить проблему того, отчего проигнорированы они в изложении истории вопроса? В-третьих, речь о собственной сфере интересов — медиаисследований, в коих естественно увидеть ссылки на М. Маклюэна, Н. Больца, Ф. Китлера и пр. И, казалось бы, что в русской философии можно найти об истории медиа, трансформации тела под воздействием новых медиа? Однако выясняется, что ресурс у русской философии

не просто есть, он самобытен и не устарел по сей день. Жаль, что открывают это не отечественные авторы. Укажу, например, на сербского философа и ученика Деррида Петера Боянич, который проанализировал феномен скорописи у Н. Федорова. О проблеме письма, записи, скорости говорят на конференциях и пишут многие. Что я хочу сказать? Если мы не обращаемся и не пытаемся вести диалог, не пытаемся соотносить с той проблематикой, которая возникает у нас в связи с конкретными проблемами, наследие соотечественников, то, соответственно, оно и не живет в культуре. В-четвертых, русский философ до революции семнадцатого года был русским не потому, что не знал европейских языков и европейскую же философию, но, часто зная ее, занимался проблемами особого мира, топоса, коллективного тела; он был не столько метафизиком, сколько нравственным метафизиком с цепкими, стесняющими тело мысли “моралистическими обвивами” (Г. Шпет). “Включенность” русской философии, ее обвивы и стеснения в изменившихся условиях – ресурс, который трудно игнорировать. Можно предположить (это требует обоснования), что обвивы и стеснения в ситуации кризиса могут стать альпинистской обвязкой, страхующей соотечественника от падения в пропасть консюмеризма. И последнее. Полагаю, следовало бы выступить в защиту отечественного производителя философских концептов. Ибо главное его достоинство в том, что он подвержен критике соотечественников столь же радикально, сколь безапелляционно принимаются иностранные идеи (трагичные страницы нашей истории XX в. были связаны с безоглядным следованием идеям марксизма, модернизации, либеральной экономики). У отечественной философии меньше шансов добиться безусловного авторитета, и она не превысит предельно допустимую норму влияния на общество и поэтому же не станет ни господствующей идеологией, ни национальной идеей. По крайней мере, в обозримом будущем.

Пружинин: Спасибо. Продолжаем.

Соколов: Я, Борис Исаевич, абсолютно понимаю и поддерживаю Ваш порыв. Я согласен с Валерием Владимировичем, что в нашем профессиональном обиходе, так же как и среди с интересом взирающих на наше пространство, русская философия – это почти исключительно *история* русской философии. Проводимая сегодня поистине титаническая работа по изданию наследия русских философов и мыслителей несомненно очень отраднй факт и она не может быть оспорена в своей целесообразности. Тексты сами по себе, безусловно, необходимая точка для движения. Необходимая, однако всего лишь начальная. Работа в архивах, поиск документов и рукописей, их издание, реконструкция, комментаторская работа – это необходимый этап философской работы. С легких рук Делеза и Гваттари мы можем признать, что детерриторизация греческого продукта (философии) в отдельные европейские страны успешно состоялась, явив миру новые, во выражению Валерия Владимировича, философские сверхвавы, к коим мы пока не причислены. Однако стоит ли печалиться по сему поводу, кропотливо выискивая, отслеживая, складирова и калькулируя те “влияния”, что мы, либо кто-то из “наших” оказал на “тамошних” и в том находить доказательства собственной состоятельности, либо гордости, да сетовать, что-де по тем или иным причинам “у нас не сложился” громогласный и эффектнй философический эксцесс. Догоняющий едва ли придет к финишу первым, а русская философия, если мы будем только догонять, может остаться младогегельянскими или младоницшеанскими вариациями. Мы не можем ограничиваться только сравнением русской философии с греческой, немецкой, французской, итальянской, китайской, и “раскладывать” ее по идентификационным маркерам последних. Простое именование “Это-то и есть русская философия”, либо исчисление имен, трудов, взглядов, концептов, вполне правомерно хотя бы на первом этапе, дабы высвободить силы для “работы”. Если же опять вернуться к современности и посмотреть на места и формы бытования вне историко-философских штудий, то есть еще один негативный фактор, мешающий развитию русской философии. Во-первых, это набор выражений из произведений русских философов (среди которых, на мой взгляд, лидирует Н. Бердяев), используемых в политико-идеологических конъюнктурных целях. И, во-вторых, то, что происходит за пределами собственно

исследовательского пространства. Готовясь к сегодняшнему разговору, я открыл Интернет и посмотрел, что по нашему поводу говорят, в частности, в соцсетях — в Твиттере и ВКонтакте. Опубликованное там почти у всех нас вызывает если не негодование, то ироническую усмешку. Примеров приводить не буду, любой может сам убедиться: глупо, неграмотно, порой стыдно читать. Это касается всевозможных авторских философических откровений. Уверен, что любой из нас на электронные адреса получал тексты самодеятельно философствующих. Это безумие, хотя, уверен, не все авторы — клинические сумасшедшие. Вы согласитесь. Опровергать, дискутировать, даже просто оценивать не имеет смысла: все равно не приведет ни к какому результату. Можно от всего этого отмахнуться или не заметить, как мы чаще всего и поступаем, замкнувшись в собственном профессиональном пространстве. Однако... Это тоже своего рода “философия”, как явленность, как видимость, как представленная позиция. Все это заставляет нас осваивать новые территории, заново оценить наследие русской философии и популяризировать его, отыскивая новые слова, смыслы, мыслительные ходы, регистры и варианты актуализации, поля и горизонты. Как, в общем и целом, происходило и со всей русской философией (той, что уже общепризнанна, стала классикой и достоянием) весь недолгий период ее существования.

Щедрина: Торговка, напомним, тоже смеялась, когда Фалес упал в колодец. Однако он был философом. И замечу еще, очень мал был круг возрожденческих философов, но мы их знаем.

Соколов: Вы абсолютно правы. Перефразируя крылатое выражение А. И. Солженицына, и одному можно “идти в ногу, когда вся страна не в ногу”. Тем не менее мой пафос не в ниспровержении профсоюзов, но призыв прислушаться, принять во внимание явления массовой культуры [Соколов 2001], ибо от дилетантских гаджетных реальностей все равно никуда не уйдешь.

Щедрина: Естественно. Но все эти технические средства общения нужно научиться использовать в культурных целях. Надо учить пользоваться Интернетом в образовательных целях. Есть очень много интересных сайтов, есть сайты, которые действительно образуют и стимулируют культурный рост человека. Но не про “массовую культуру” мы же здесь говорим, а про феномен русской философии как феномен образованности. В этом качестве мы и пытаемся ее сохранить.

Соколов: Безусловно.

Пружинин: Продолжим. Кто подхватит тему? У нас явно вырисовывается определенная вполне тематика.

Малинов: Позвольте, я тогда? Надо признать, что русская философия очень неравномерно исследована. Есть персонажи, может быть, даже переоцененные, есть эпохи, о которых написано много, но есть и большие лакуны, причем, довольно существенные. Казалось бы, наиболее простой выход для историка философии — дать биографию того или иного мыслителя. А у нас даже таких биографий очень мало. Составление биографии, конечно, требует систематических архивных исследований, которые в русской философии тоже очень слабо ведутся. Это можно, по крайней мере, по петербургским архивам проследить. Историки философии практически не обращаются к архивным материалам, а ведь архивы помогли бы раскрыть очень интересные сюжеты. Например, в петербургских архивах много материалов связанных с Эрнестом Львовичем (Леопольдовичем) Радловым. Сколько о нем написано? А почти ничего не написано.

Пружинин: Да, почти ничего. А почему? Интересы нет? Или есть другие причины?

Малинов: В Российской национальной библиотеке его архив есть, часть архива в Пушкинском доме, в других местах. Он интересен не только как представитель целой эпохи. Архив Э. Л. Радлова позволяет раскрыть судьбу нескольких поколений (его семья, в частности, сыновья, его окружение), представить деятельность Философского общества при Петербургском университете, товарищем председателя, а потом и председателем которого он был, работу “Журнала министерства народного просвещения” и т.д. Но за это практически никто не берется. Или, например, 1920-е гг. Может быть, еще не пришло время детально исследовать такой аспект, как институционализация

русской философии, вообще философии в России в 1920-е гг. Я просто отдельно фонды перечислю, которые лежат в архивах и к которым никто не обращается. “Общество воинствующих материалистов-диалектиков”. Было такое. С уставом, докладами, программами, текстами. Эти дела сохранились. “Научное общество марксистов”, “Ленинградский институт методологии марксизма”, “Научно-исследовательский институт при коммунистическом университете”, “Институт философии ленинградского отделения коакадемии” и т.д. Это все 1920-е – начало 1930-х гг. Этим никто, практически, не занимается.

Ермичёв: Это план-проспект исследований.

Малинов: Теперь хочу немного сказать о другой проблеме. Многие историки русской философии – “белоручки”. “Берут по верхам”, т.е. просто пересказывают то, что переиздано. Хотя период пересказывания уже давно прошел, необходимо и критическое отношение к персонажам, которыми занимаются. Уже нет необходимости в популяризации русской философии, по крайней мере, в формах академического исследования, адресованного все же специалистам. Другое дело – преподавание русской философии, которое невозможно без известной доли популяризации. Так вот, опыт преподавания истории русской философии в университете показывает, что те, кто философствуют, считают себя философами в России, не идентифицируют себя с русской философией, с русскими философами. На мой взгляд, это прежде всего связано с тем языком, на котором мы пишем, говорим и мыслим. Мы используем какую угодно терминологию: герменевтическую, феноменологическую, аналитической философии, марксизма. И практически не используем тот философский тезаурус, который дала русская философия. Я полагаю, что преподавание истории русской философии, помимо знакомства с учением того или иного мыслителя, должно быть во многом ориентировано на то, чтобы прививать студентам эти термины, понятия, категории, чтобы понятия русской философии стали частью современного философского мышления. Философия ведь категориальное мышление, поэтому лишь когда современные исследователи будут писать диссертации, статьи, книги (не обязательно по истории русской философии), используя те понятия, которые дала русская философия, т.е. когда будут мыслить при помощи категорий, выработанных русской философией, тогда неизбежно и предстанут русскими философами (см.: [Малинов 2013]). Мы же сейчас оказываемся в трагическом положении: нас вынуждают преподавать русскую философию и историю русской культуры на английском языке. Говоря словами Ю. Крижанича, это, конечно, “чужебесие”. Сколько русская наука и философия, начиная с XVIII в., боролись за то, чтобы русский язык стал полноценным научным и философским языком! А мы теперь возвращаемся во времена Киево-Могилянской академии. Задача, которая стоит перед исследователями русской философии, – это популяризовать русский философский язык и сделать его востребованным в современных исследованиях. Только так мы сможем удержать русскую философию и ее традицию.

Пружинин: А каким образом популяризовать?

Малинов: Поскольку мы преподаватели, то для нас, ближайшим образом, – это лекции, конечно.

Дудник: Можно иметь какую-то аудиторию для того, чтобы читать русскую философию на английском языке, а можно остаться самим собой и читать самому себе на русском языке лекции. Тут вот я не знаю, у меня нет готового решения на сей счет.

Пружинин: По поводу, так сказать, популяризации. Справка короткая. “Вопросы философии” не имеют возможности воспроизводить на сайте полностью текст очередного номера. Поэтому мы вынуждены размещать там статьи до верстки, т.е. рукописи. Но тем не менее мы воспроизводим, разница-то не очень большая. Так вот, в среднем ежедневно бывает до трех тысяч визитов. В сутки, подчеркиваю. Кроме этого, на Фейсбуке около двух тысяч подписчиков. Кроме этого, в любой библиотеке вы можете заказать текст из “Вопросов философии”. Я к тому, что читают, и интерес есть, и потребность есть. Вы, на самом деле, затронули очень важную тему: русский философский язык.

Щедрина: Прежде всего я хочу дополнить предыдущее выступление. Французы издавали “Словарь непереводаемых” Барбары Кассен [Cassin (ed.) 2004]. Что вошло в него из русского философского языка? Только то, что, собственно говоря, не вошло в общефилософский язык: “Богочеловек”, “соборность”, “общинность”, “правда”, “самость” и др. Как пишет Н. С. Автономова: “...русский мыслительный опыт при таком подборе терминов невольно оттесняется в словаре в область специфического, а не общезначимого” [Автономова 2006, 95]. И вообще, в такого рода решениях очень много идеологии. Но это отнюдь не снимает с нас задачу разработки собственного философского языка, т.е. собственно русской философии. И сделать это можно, только опираясь на традицию, на потенциал русской философской мысли XIX–XX вв., т.е. восстановив преемственную связь. Ведь, собственно говоря, сегодня мы формируем будущую русскую философскую культуру, интеллектуальным самовоспроизведением занимаемся. И это очень важная составляющая, которую мы можем потерять, если мы не будем задумываться об истории. Потому что только история и есть современная реальность, в которой мы живем. И нельзя ее превращать в “антикварную историю”. И актуализация, о которой говорил здесь Александр Александрович, это и есть попытка осмыслить, почему мы оказались здесь и теперь? Обнаружили себя “здесь и теперь” в том состоянии, какие мы сегодня. Откуда у нас сегодняшние проблемы взялись? Ибо наше сегодня мы исторически должны рассматривать, т.е. понимать, что наши решения проблем носят судьбоносный характер. Мы должны задуматься о том, что будет с нами, когда наши сегодняшние решения станут реальностью завтрашнего дня.

Когда Шпет в 1919 г. был приглашен на обсуждение Устава факультета общественных наук, он сказал, что история должна присутствовать на каждом факультете, не только на историческом [Щедрина (ред.) 2012, 301–304]. На каждом. Потому что она является основанием и фундаментом, который позволяет преодолеть социальную релятивизацию и конъюнктурность мирозерцания. Его слова не были услышаны тогда. То, что было затем, мы знаем. И сегодня мы теряем первенство в исследованиях. Вот тема “история понятий”. Эту тему разрабатывал В. Ивановский еще в самом начале прошлого века. А мы заимствуем ее из работ Козелека, мы опять заимствуем у Запада всю методологическую составляющую наших гуманитарных исследований. Мы должны, мы просто обязаны восстановить нашу связь с истоками и корнями русской философии, чтобы обрести современную русскую философию как исторический феномен русской культуры, как культурно-историческую сферу нашей философской работы.

Камнев: Позвольте мне высказать также несколько слов об исследованиях, посвященных истории русской философии. Оценивая их перспективы, я бы хотел обратить внимание на два существенных момента. В историко-философских работах они либо вообще упускаются из виду, либо намеренно отодвигаются на второй план. Эти два момента суть следующие: во-первых, тот факт, что долгое время русская религиозная мысль находила выражение чаще в публицистической форме, т.е. в журналистике, а не в специальных философских трактатах. Во-вторых, еще одно редко отмечаемое обстоятельство – формирование специального историко-философского дискурса происходит в России в конце XIX – первой четверти XX в. В. В. Зеньковский в “Истории русской философии” называет три сочинения, относящиеся к дореволюционному времени: работы Е. Боброва, архимандрита Гавриила и М. Филиппова. Согласно оценке Зеньковского, работы Е. Боброва имели фрагментарный характер и поэтому устарели, книга архимандрита Гавриила не имеет большой ценности, а работа М. Филиппова осталась автору “Истории русской философии” недоступной. Также Зеньковский ссылается на специальные историко-философские исследования: Э. Радлова, М. Ершова, Г. Шпета и на аналогичные зарубежные работы Т. Масарика и Н. Селибера. Следовательно, весь дореволюционный период без преувеличения можно рассматривать как подготовительный этап, как стадию зарождения и формирования специфического русского философского дискурса. Это не преувеличение. История философии – это

самосознание философии, а философия, лишенная самосознания, по меньшей мере несамостоятельна.

В самом конце дореволюционного периода русская философия находилась перед важным судьбоносным выбором. Лучше всего этот выбор выражен в названии статьи Г. Шпета “Мудрость или разум?”, где рассматривается проблема формирования философского знания как знания научного, а не мировоззренческого (к философии русская читающая публика обращалась вовсе не за разумом, а за мудростью). Эта статья представляет, по сути дела, резкую отповедь общественно значимой потребности в мудрости. В мировоззренческих вопросах, адресованных философии, содержится скрытое противоречие. Тот, кто обращается к философии с вопросом, например, о смысле человеческого существования, заранее знает, что философия дает на все вопросы (или должна давать) ответы, обязательные для всех, ответы объективные, аргументированные и потому достоверные. Но он же заранее знает, что ответ на вопрос о смысле человеческого существования, общеобязательный ответ, заведомо неприемлем именно потому, что этот ответ оказывается одинаковым для всех. В мировоззренческих вопросах не может быть общепринятых рецептов, здесь каждый человек ищет ответ в одиночку и только такой ответ, найденный им самим, он и готов принять. В статье “Мудрость или разум?” Г. Шпет, в частности, говорит, что наши насущные проблемы суть “проклятые вопросы”, а философия, рассматривая “все” в собственном свете, может изобразить и описать соответствующие отношения и “уклады сознания”. Однако ответить на вопросы “Откуда зло пошло?”, “Зачем жить надлежит?” или “Как возник мир?” и пр. она не может. Сами вопросы эти для философии суть праздные вопросы, что допустимо расшифровать – реальные вопросы, с которыми следует обращаться к мудрости или, выражаясь словами Г. Шпета, “псевдофилософии”. В противостоянии мудрости и философского разума Г. Шпет видит отчетливые следы более глобального противостояния – между Востоком и Западом. В частности, он говорит, что, по сути дела “восточная лень” породила мудрость как таковую, что предопределяет индивидуальные потребности и заботы, а досуг европейцев породил философию и мастерство, что также задействованы в решении личных дел и проблем. Поставленная Г. Г. Шпетом проблема мудрости и разума была ключевой в философской публицистике всего дореволюционного периода. Решение этой проблемы позволяло более определенно очертить границы философского знания, установить правила, по которым это знание достигается, т.е., иными словами, сформировать специфический философский дискурс. Если бы дальнейшая история России каким-то чудом избежала революционных потрясений, то можно с уверенностью предполагать, что такой дискурс был бы сформирован. Но события пошли иным ходом, и внимание философского разума на долгое время было поглощено вопросами совершенно иного порядка.

Пружинин: Кто еще желает высказаться?

Кузнецов: Оттолкнусь от того, что уже сказал Алексей Алексеевич. А именно: только что прозвучали слова “категория” и “понятие”. И это весьма знаменательно, коль скоро речь о философии и тем более русской философии. Готовясь к сегодняшнему “круглому столу” и размышляя над поставленными проблемами, в первую очередь я обратил внимание на разворачивающийся перед нами философский дискурс. В случае с философией именно фиксация внимания на собственно категориальном аппарате, на совокупности терминологических последовательностей, режимах и способах их применения, несомненно, показатель философской культуры как таковой.

Все мы помним слова В. Зеньковского о том, что одной из характернейших черт русской философии является ее панморализм. Я буду исходить из данной максимы и обращу внимание в первую очередь на категориальные векторы русской этической мысли. Русская философия ориентирована на решение моральных проблем, а потому является в широком смысле слова практической философией. Однако далеко не всегда отмечается особая заслуга именно русской мысли в формировании понятийно-категориального аппарата отечественной этики. На протяжении всей русской философской традиции можно проследить сложный процесс анализа моральных, имеющих прямое

отношение к практикам жизни понятий и постулатов, наполнения их реальным и действенным, неабстрактным и не сугубо умозрительным содержанием. Среди них: добро и зло, благо и свобода, справедливость и счастье, ответственность и смысл жизни. С возвращением этики как самостоятельной философской дисциплины в 60-е гг. XX в. советское университетское пространство, с открытием кафедр соответствующего профиля возрождается и исследование этической мысли. В те годы господствовала марксистская идеология. Но она не исчерпывала весь спектр этических исследований, в разработке которых принимала активное участие Ленинградская этическая школа. При этом особое внимание уделялось структуре морального сознания, а также анализу нравственных отношений и взаимодействий различного уровня. Замечу, что советский философский дискурс был ориентирован на традиционный для русской философии “панморализм”. И сегодня мы стремимся продолжить эту традицию в исследованиях актуальных этических проблем. В результате теоретических дискуссий сформировался общий методологический подход к анализу этических понятий и категорий, своеобразный, уникальный, специфически российский, выражающий характер русской философской мысли. Отрадно отметить, что сегодня и у наших студентов, и у наших аспирантов моральные понятия и этические категории также вызывают интерес. И он отнюдь не умозрителен и не схоластичен.

Таким образом, проблема категориальных структур отечественной этики актуализируется, с одной стороны, как теоретико-методологическая проблема, с другой — как необходимость выделения теоретических концептов, пригодных для применения. На мой взгляд, наиболее актуальными для теоретического рассмотрения являются различные направления социальной этики, представленные в работах В. Соловьева, С. Л. Франка, русской школы философии права (Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев, И. А. Ильин), а несомненный потенциал содержится в таких категориях, как ответственность и солидарность. Обращу внимание, что принципиальным для русской мысли является рассмотрение “солидарности” и “ответственности” как социально-политических и моральных феноменов.

В заключение замечу, что именно историческое наследие русской этической мысли и позволило сохранить заданный теоретически строгий уровень моральной рефлексии и при этом не утратить проблемное и смысловое поля этики, что, к сожалению, подчас происходит в современных постмодернистски ориентированных исследованиях, когда размывание категориальных границ приводит к логической или теоретической девальвации их результатов.

Дудник: Поддерживая идею Бориса Исаевича о русской философии как целостном культурном феномене, не сводимом ни к религиозному, ни к позитивистскому, ни к другим историческим типам философии, мы находим все новые аргументы и в пользу создания кафедры истории русской философии и культуры. Одной из распространенных сегодня идей является понимание философии как формы самосознания культурной эпохи, воспроизводящей и концентрирующей в специфических методах наиболее общие и принципиальные особенности структуры соотношенной с ней культуры. Именно на уровне культур-философских обобщений как рационально артикулированного дискурса достигается воспроизведение феномена целостности культуры.

Одним из достаточно длительное время дискутируемых вопросов в оценке русской философии является следующий: является ли русская философия полностью самобытной и оригинальной или повторяет все, что уже было сделано западной философией? Видимо, длительность спора обусловлена тем, что ни одну из позиций нельзя постулировать в качестве единственно верной. Но несомненно и то, что многие проблемы разрабатывались в русской и западной традициях параллельно, вопреки доминирующему мнению о вторичности русской философии.

В свете вышесказанного предлагаю продемонстрировать это на примере исследования одной из таких тем — о фикционализме или философии “als ob”. Это новое модное философское течение возникло в первой трети XX в., его основателем считается Ганс Файхингер (1852—1933). Между тем фикционализм оказал сильное влияние на

феноменологию и неопозитивизм и, исчезнув сам как направление, продолжал жить в них, став частью философско-гносеологической программы в работах М. Шлика, Р. Карнапа, В. Крафта, К. Айдукевича и др.

Если говорить о русском фикционализме, то, на первый взгляд, он вообще не существовал, а германское влияние казалось нулевым. Но это был бы поспешный вывод. Одновременно с файхингеровским течением эти идеи возникают и в России. Явно выраженный фикционализм был присущ П. А. Флоренскому (работа “Мнимости в геометрии”). О проблемах объективного и мнимого рассуждал П. Л. Лавров. Существенный фикционалистский момент содержат философские воззрения И. И. Лапшина. Его труд “Законы мышления и формы познания” (1906) достаточно показательно выражает гносеологическую направленность фикционализма. Позднее эта проблема возвращается к нам (о целостности и непрерывности процесса рассуждал и Борис Исаевич) через Ю. М. Лотмана, находившего характерной для русского человека начала XX в. особенность – заменять жизнь книгой, делать последнюю более значимой, чем сама жизнь. В определенной степени к фикционализму может быть отнесен и Георгий Флоровский со статьями о логическом релятивизме.

При этом важно, что и немецкий и русский фикционализм исходили из кантовской гносеологии “als ob”, представлявшей духовные начала знаний о культуре через науку, искусство, религию, этические и эстетические ценности. В поле суждений включались проблемы воли, жизненных усилий, творческого воображения. Вопрос о фиктивных конструктах исследовали такие авторы советского периода, как В. Ф. Асмус и К. С. Бакрадзе.

Поэтому, когда мы говорим о соотношении русской философии и западной и о влиянии последней, полезно обращаться к архивным материалам, как это делает в исследованиях Т. Г. Щедрина [Щедрина 2008].

И еще одна тема, чрезвычайно актуальная в русской философии, – историософская. Это проблема типологии истории. Трудно не согласиться с тем, что какой принцип (критерий) мы применяем к типологии, такую историю и получаем. Но не все так однозначно с точки зрения целостности эпохи. Когда мы говорим о XVII, XVIII, XIX, XX и XXI веках, означает ли это, что в конце одного века заканчивается один целостный культурно-исторический этап и начинается другой? Так, XVII век не закончился ли петровскими преобразованиями и победой России в Северной войне, а не завершился ли XVIII в. только 14 декабря 1825 г.?

Ермищев: Сергей Иванович, 14 декабря 1825 г. закончился XVIII век. Определенно! Потому что декабристы своим выступлением начали совершенно новое для России время революционного брожения, из которого мы только-только выбираемся.

Дудник: А XIX век? Разве закончился в 1900 г.? Тоже ведь нет. Несомненно, XIX век завершился с окончанием Первой мировой войны. Получается, Александр Александрович, что и XX век не закончился в 2000 г. Может быть, только сейчас и начинается XXI век.

Пружинин: Спасибо. Продолжим.

Осипов: Мне было всех интересно слушать и пришлось несколько скорректировать тезисы, которые я готовил для круглого стола. При этом хотелось бы и каждому из выступающих ответить отдельно.

Пружинин: Чтобы знать, от чего отказываться?

Осипов: Да, это тоже. Я бы хотел обратить внимание на две основные проблемы, которые обсуждались сегодня. Первая – проблема интерпретации истории русской философии и её своеобразия. К решению данной проблемы существуют три основных подхода.

Первый подход – логико-гносеологический, основанный на категориальном анализе основных концепций и направлений отечественной философии. Он во многом близок “Истории русской философии” Н. О. Лосского. При использовании данного подхода мы начинаем генезис русской философии с XIX в., со времени, когда начинает формироваться её основная категориальная структура. И продолжаем рассматривать

её развитие в контексте формирования западноевропейской философии, что заставляет нас признать объективный факт отставания развития русской от западноевропейской философии.

Второй подход к истории русской философии, который, на мой взгляд, был сформулирован в работах и выступлениях Татьяны Геннадьевны и Бориса Исаевича — культурно-исторический [Щедрина, Пружинин 2012]. Он исходит из системного анализа русской философии в рамках анализа истории отечественной культуры, имеющей специфику. В процессе культурно-исторического анализа русской философии необходимо исходить из основных ценностей русской культуры: соборности, правды, коллективизма, справедливости. И немаловажно, что этот подход существенно “удлиняет” историю русской философии, которая в принципе может начинаться с эпохи Средневековья, с религиозных мыслителей: Иллариона Киевского и других.

И наконец третий подход к изучению русской философии — экзистенциальный, который может быть историей экзистенциальных размышлений русских философов в интерпретации историков философии и культуры. Он близок по своей сути второму подходу, но отличается большей свободой ученого в изложении воззрений русских мыслителей. История философии в данном случае выступает и средством раскрытия собственных творческих идей историка философии. Хронологически данный подход также позволяет в максимальной степени привлечь мыслителей разных эпох для обоснования собственной позиции ученого.

Создание кафедры истории русской философии и культуры в Институте философии несомненно способствует лучшему пониманию русской философии, так как создаёт условия для реализации выше названных подходов.

Другая тема, которая обсуждалась сегодня, — это проблема целостности. Она присутствовала в выступлении Бориса Исаевича о теоретическом основании целостности. Признавая актуальность данного понимания целостности, вместе с тем можно было указать на существование и других предпосылок целостности, в частности аксиологической основы целостности как суммы ценностей. Также целостность может быть представлена и в историческом контексте как преемственность традиций, единство культурного процесса, в том числе в истории философии. В этом контексте принципиальным является вопрос о периодизации истории русской философии.

Отмечая несомненные достижения в изучении истории русской философии, которые связаны с переизданием источников, публикациями множества монографий и защищенными диссертациями, хотелось бы сказать и о некотором дефиците системных исследований по истории русской философии. Конечно, нужно продолжать издания трудов русских мыслителей, в этой связи следует особо отметить прекрасную серию “Философия России первой половины XX века”, которая познакомила специалистов и широкий круг читателей со многими ранее неизвестными работами русских мыслителей и фактами. Вообще думаю, давно настало время перейти от поверхностного изучения русской философии к углубленному и профессиональному её исследованию. Сегодня справедливо говорили о необходимости системного подхода к русской философии, но возможна ли такая система, учитывая то, что русская философия по своей сути есть нечто творческое и открытое, не вполне вписывающееся в устоявшиеся каноны типологизации. Вспомним хотя бы Шпета, который исходил из того, что русская философия может быть национальной в своих интенциях при сохранении условий для её свободного развития: национальное и универсальное находятся во внутреннем и естественном духовном единстве. Я это понимаю как некоторую трудную задачу, решение которой предполагает, что русская философия имеет диалектичный, в чем-то даже конфликтный характер. Полемика разных школ, направлений и отдельных философов присутствует во всей истории русской философии, примерно так же как это было в Древней Греции.

Ермищев: “У поэтов есть такой обычай — // В круг сойдясь, оплевывать друг друга”.

Осипов: Ну, Александр Александрович не так жестко и однозначно. Ведь в философской полемике, если она ведется корректно и на высоком теоретическом уровне, содержится основа творческого развития философии.

Дудник: Даже на кафедре русской философии не все было гладко.

Осипов: Сергей Иванович, возможно, данная полемичность и выступала в определенной степени стимулом для творческого развития и становления кафедры истории русской философии нашего Института. В целом в открытости русской философии миру и ее давней глубокой связи с европейской имеются условия для взаимодействия и диалога культур в разных областях науки. Как ответственный редактор “Вестника Санкт-Петербургского университета” серии “Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение” замечу, что в составе нашей редколлегии много иностранцев, мы привлекаем для публикации авторов из разных стран. Многие из них интересуются русской философией и культурой и стремятся писать на русском языке статьи. Хотя нам были бы нужнее их статьи на английском языке.

Дудник: Заставляют, чтобы были статьи на английском языке...

Осипов: Сергей Иванович для вхождения в Скопус требуются статьи на английском языке. В том числе и русскоязычных авторов.

Ермичѳ: Так, а кто ж нас будет читать на английском языке? Где мы найдем читателей?

Осипов: Это сложный вопрос, но предполагается, что увеличится круг отечественных авторов, знающих иностранные языки. Я считаю, что “Вопросы философии” по праву считаются лучшим философским журналом России и там регулярно печатаются выдающиеся отечественные и иностранные ученые и философы. Актуализация русской философии возможна в различных отечественных журналах, и “Вестник Санкт-Петербургского университета” выписывают во многих странах, что существенно расширяет пространство духовно-религиозного, нравственного, правового и политического общения между различными культурами.

Пружинин: Спасибо.

Савчук: Давайте дадим слово Константину Глебовичу, его выступления всегда афористичны, глубоки и парадоксальны.

Исупов: Вот так и со спецификой русского философствования. Но о двух вещах, которые более или менее поддаются рефлексии, я позволю себе напомнить. Первое: отношение к слову как к вещи, как к предмету, как к чему-то такому хтоническому и увесистому. Это больше на писателях сказывается, чем на философах. Вот Ахматова пишет: “...упало каменное слово...”. Эта метафора – слово-камень – и архитектурная, и даже масонская. Так слово ощущал и Розанов. Так слово ощущал Маяковский, тоже словами-булыжниками писал. Написал ночью на папиросной коробке “нога”, а утром сообразить никак не мог, что же за нога такая? А потом родилась такая гениальная метафора: “Тело твое// я буду беречь и любить, // как солдат, // обрубленный войною, // ненужный, // ничей, // бережет свою единственную ногу”. Вот вам и нога приснившаяся! В этой связи в русском философствующем вербальном сознании, в том числе объективирующем свои мысли, по Бердяеву, есть такая вещь, которая мало заметна в европейских культурах, а у нас выходит на первый план – это приравнивание высказывания к поступку. То есть высказывание приравнивается к физическому действию. Фраза разворачивается, как мускульная пружина, и готова действовать с непосредственностью боксерской перчатки. Недаром Бахтин говорил про “озирующие фразы” Достоевского. Они жестикулируют, кричат, изгибаются, у них есть своя грация, у них есть неповторимый хореографический рисунок движения. В свое время меня поразила одна фраза в “Докторе Живаго”. Бытовая сценка... герой вышел в прихожую... гимназист бежит по лестницам... Герой хотел остановить гимназиста рвущимся наружу изречением. Это как: остановить изречением? Это – колебание воздуха, в конце концов, всего-навсего. Но у Пастернака оно орудийно. Он ощущал слово, высказывание, речь, поэтическую реплику как некое орудие. А слова – это булыжники. “Мои слова. Еще, как равелины // Они глухи к глухим моим шагам”.

И еще один специфический для русской философии момент: юродство. О юродстве как преимущественно православном феномене есть целая книга “Византийское юродство”. Но по сути дела это о юродстве в русской культуре. Единственный историк философии, который отмечал, что русская философия начинается с юродства, – это В. Зеньковский. Я порадовался этой его фразе, но он не развил мысль. Так вот, тому, что в богословии с подачи Дионисия Ареопагита стало называться апофатикой, столь органичной для православного богословствования и философствования, на уровне поведения соответствует юродство. Это, по сути дела, одно и то же, только на разных уровнях. “Антиповедение”, как его называли потом. В этой связи в русской традиции создаются тексты, которые предназначены для вспячь-чтения. Розанов советовал первое “Философическое письмо” П. Я. Чаадаева читать как арабские манускрипты: справа налево, наоборот, инверсионно. Написано “да” – читай “нет”, и наоборот. И это на самом деле так. Все негативные моменты, которые есть в первом письме, они же не от хорошей жизни написаны, но ради утверждения положительных идеалов.

Пружинин: У Шестова то же самое.

Исупов: Да. На самом же деле, это самая натуральная догматика, только вспячь, для инверсивного чтения предназначена. Когда Бахтин пишет о том, что только смерть до конца эстетически завершает человека, разве о смерти идет речь? Подобное выражение насквозь проникнуто виталистскими интуициями. Когда мы читаем “Котлован” и “Чевенгур”, когда землемер хитрый говорил: “Я пишу утопию”. Какая это утопия? Это антиутопия.

Грякалов: Это метаутопия.

Исупов: Или метаутопия. Спасибо, Алексей Алексеевич, вот точное слово найдено. Тогда это и утопия, и антиутопия. Хотя эти произведения и утопия, и антиутопия одновременно, но мы их читаем как антиутопии, конечно. Сами названия – “Котлован” и “Чевенгур” – амбивалентные: это же образы могил. И там, и здесь *могила*, по сути. Там могила ради новой жизни. А где эта новая жизнь? Ее нет: только могила. Поэтому читая тексты, написанные вроде бы для прямого чтения, но, на самом деле, для вспячь-чтения, для инверсивного чтения, для этого мы и открываем литературу с той ее стороны, с которой европейцу она не открывается никогда. Спасибо.

Грякалов: Борис Исаевич, можно мне одну реплику? Здесь очень важный момент, я имею в виду системность, целостность. Розанов в работе “Сумерки просвещения” говорит: главное для образования – это целостность. Об этом и Игорь Дмитриевич говорил и другие наши участники. Но о какой целостности идет речь? На мой взгляд, здесь под целостностью понимается не “абсолютная нераздельность” и не “тотальность”, это другая системность, понимаете? Другая целостность, в которой каждая ее составляющая обладает самостоятельностью, индивидуальностью, автономностью, но не может существовать без целого. Вот о чем речь идет. Такое понимание целостности позволяет искать философичность даже в таких темах, где ее, на первый взгляд, не видно: социальный аутизм, террор, соотношение власти и экономики, социальное неравенство. Вот проблемы. Они, может быть, кажутся не совсем философскими, но это совсем не так. При таком повороте к социальным и политическим проблемам как проблемам философским появляется возможность применения разных подходов. Они имеют право на существование и помогают открывать очень важные вещи, в том числе, когда мы в их решении обращаемся к архивам. Всегда архивные боги что-то дают, когда мы туда приходим. Но очень важно отследить, если угодно, эти болевые проблемные точки. И тогда материал начинает соединяться, и все мы, в общем, начинаем участвовать в каком-то очень важном разговоре. И тогда эти рубрикации: “западная – незападная”, “русская – нерусская” вообще теряют псевдоактуальность. Это важно, когда мы себя так позиционируем не только по отношению к настоящему, но и по отношению к прошедшему, мы меняемся вместе с материалом. Вот Шпет сначала писал о герменевтике, исторической науке, а потом написал очерк об этнической психологии, заговорил совершенно о других вещах, правда?

*Щедрина**: Если можно, я отвечу на этот вопрос. Дело в том, что Шпет тему этнической психологии сначала “историзировал”. Он рассматривал народность не только как то, что предлагала правительственная интеллигенция, но одновременно и как то, что позволял увидеть в народности концептуальный аппарат становящейся русской философии, т.е. как фундаментальную философскую проблематику в контексте истории. Эту проблематику, замкнутую на трактовку народности как живого исторического феномена, он и актуализировал через язык во “Введении в этническую психологию”. Собственно говоря, Шпет, я думаю, может быть примером того, как можно соединять, с одной стороны, историю как преодолевающую социальный релятивизм основу исследования и, с другой стороны, как актуализацию исследовательского потенциала русской философии, не позволяющего забыть о собственном историзме исследователя, определенным образом истолковывающего народность. Я об этом уже говорила, поскольку это фактически главная тема нашего круглого стола: как соединить эти два вектора исследования русской философии. И Шпет в свое время оказался перед той же проблемой. В связи с этим один маленький пример актуального, я бы даже сказала, злободневного, архивного исследования.

Читаю в архиве письмо А. Быкова, режиссера и актера театра Семперанте. Он пишет театральному критику М. Б. Загорскому о том, что театр попал в поле зрения УМЗП (Управление московскими зрелищными предприятиями). Его представители достали кассовые рапортчики, посмотрели, подсчитали и сказали: “Вот пять рентабельных спектаклей, и вы их будете играть на всех площадках в течение недели без выходных. А иначе здание отберем”. Им пытались объяснить: “Мы же театр импровизации, мы каждое утро собираемся, обсуждаем, чтобы вечером играть новый спектакль”. Нет, говорят, есть экономика, вы должны приносить деньги... Театр, в конце концов, закрыли. И мы сегодня в сфере образования находимся в такой же ситуации.

Ермищёв: Не видите ли вы через десять-пятнадцать лет в Санкт-Петербургском университете только одну-единственную на весь университет кафедру философии? В Московском университете одну-единственную кафедру философии на весь факультет? И какое место там займут историки русской философии?

Грякалов: Иными словами, мы-то останемся?

Щедрина: Мы останемся в силу того, что мы занимаемся делом, которым можно заниматься вопреки. Если мы занимаемся делом, если каждый из нас решает не только повседневные прикладные задачи, непосредственно обслуживающие общественные запросы (в преподавании ли, в издательской ли работе и пр.), но и может заниматься фундаментальными проблемами философии, которые необходимы для жизни культуры. И в этом контексте хочу поделиться размышлениями о специфике современного этапа исследований в области русской философии, которые возникли в процессе подготовки серии “Философия России первой половины XX века”.

Прежде всего открылись новые содержательные тематики в процессе подготовки томов. В тематическом плане в исследованиях по персоналиям открываются новые плоскости: так, Лев Шестов в новых интерпретациях предстает не только в традиционных религиозно-философских контекстах, но и в сфере методологии гуманитарного знания, где широко обсуждается его понимание “опыта”; Николай Лосский пишет Альберту Эйнштейну о проблеме пространства и времени, что открывает возможности для переосмысления отношений между русской философией и естествознанием; а Владимир Ивановский и Густав Шпет оказываются в центре весьма актуального ныне методологического направления “истории понятий”.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФНФ. Проект № 16-03-00704 “Реконструкции как методологические приемы в контексте актуализации исторического познания: эпистемологический анализ” The research was made with the financial support from RFN, project № 16-03-00704 “Reconstructions as methodological ways in the context of actualization of historical cognition: epistemological analysis”.

Изменения, происходящие в современных исследованиях по русской философии, особенно видны, если посмотреть, как формировалось содержание подготавливаемых томов за три года. Первые пять томов – по большей части – перепечатки журнальных статей 1990-х гг., “антологии” по персоналиям и тематикам; публикация уже подготовленных в 1990-е гг. библиографий и хроник. Постепенно количество новых статей в томах нарастает. Уже шестой том – о Кропоткине – практически полностью состоит из вновь написанных текстов.

В томах 2014–2015 гг. представляются вновь собранные библиографии, расширяются хроники, обогащаются фоторяды, в книгах появляется все больше архивного материала, позволяющего уточнить биографические и историографические данные и актуализировать интерпретации, ставятся новые философские проблемы. Это особенно проявляется в томах 2016 г.: в значительно уточненных библиографии и хронике “раннего” С.Л. Рубинштейна, во впервые представленной в объеме 4 п.л. библиографии работ о Льве Шестове, в заново составленной практически полной (хотя и публикуемой в сокращении) библиографии Яacobсона.

Работа над серией повлияла на активизацию исследований: проводятся конференции, результаты которых затем публикуются в виде статей в соответствующих томах. Так, работа над томом о Льве Шестове способствовала организации трех выставок, посвященных 150-летию этого мыслителя, международной конференции, а также работе над книгой “Лев Шестов: pro et contra”. А работа над томом о Степуне позволила исследовать архивы Иерусалима, выявить неизвестные письма Степуна и его родных израильским корреспондентам, вписать творчество этого мыслителя в контекст культурно-исторической эпистемологии.

В томах 2015–2016 гг. широко представлена методология исторической реконструкции. С ее помощью восстанавливаются культурные контексты, способствующие пониманию ситуации, в которой создавались произведения, проникновению в историческую реальность и дающие возможность актуализации идей мыслителя. Особое значение в таких реконструкциях имеет архив, работа с рукописями, которые открывают новые пласты содержания.

Также на современном этапе, т.е. в процессе работы над серией, по-новому зазвучала проблема перевода. Снова актуальной стала идея Яacobсона, который полагал, что переводим мы не только с языка на язык, но и с культуры на культуру. Практически в каждом томе есть переводы статей европейских исследователей, сопоставляющих идеи русских мыслителей с классической философской традицией. Так, в томе о Яacobсоне большинство материалов – переводы с английского, немецкого и французского языков, что порождает значительные разночтения терминологии как самого Яacobсона, так и лингвистических теорий его времени. И эти различия фиксируют редакторы в предисловии: “Яacobсон писал на разных языках (русском, английском, французском, немецком, чешском), его работы переводили на другие языки, порождая тем самым разные интерпретации некоторых понятий и терминов. Мы сохраняем ссылки в авторском написании. Соответственно, научные разговоры Яacobсона с женой, литературоведом Кристиной Поморской, будут именоваться то “Беседками”, как в русскоязычном иерусалимском издании, то “Диалогами” – в буквальном переводе с западных изданий. Кроме того, в книге присутствуют ссылки на разные русские переводы Яacobсона с разными заглавиями. Так, статья “Two Aspects of Language and Two Types of Aphasic Disturbances” может быть представлена как “Два аспекта языка и два типа афатических нарушений” или как “Два вида афатических нарушений и два полюса языка”. Не обсуждая вопроса о том, какой перевод лучше и почему, мы сохранили эти черты бытования яacobсоновского наследия”. Тем самым создаются новые темы для дальнейших исследований творчества Яacobсона. Исследования по русской философии способствуют созданию в европейских университетах специальных групп по переводу (как, например, Ателье по переводу под руководством Мариз Денн, университет Мишеля Монтеня, Бордо).

Работа над серией еще раз показала, что ключевой для русской философии была идея общения. Практически половина статей в книгах посвящена проблеме философского языка, смысла, понимания, интерпретации, символов, знаков, семиотической проблематике, герменевтике, а также сопоставлению экзистенциальных и интеллектуальных контекстов, в которых жили и работали русские философы. Эта же идея оказывается плодотворной в процессе реконструкции архивов. Становится очевидным, что без общения, без воссоздания “сферы разговора”, невозможно понимание русской философии первой половины XX в.

Исследования, представленные в серии, демонстрируют, что философия в ее истории не теряет актуальности и как образовательный феномен. История русской философии открывает нетривиальные способы преподавания философских дисциплин: начиная от описания лекций Льва Шестова, заканчивая исследовательскими семинариями Георгия Челпанова. И этот пласт также открывается в томах серии.

Пружинин: Наше обсуждение показало очень любопытную вещь. Мы действительно живем сейчас на переломе. Это всем видно. Куда все пойдет? Мы можем только аргументы приводить в защиту социального статуса философии. У меня есть два аргумента впечатляющих. Аргумент первый: в России ведь уже запрещали преподавать философию, а следствием был рост радикальных настроений среди студенчества. И в Европе, кстати, тоже такое бывало. Это раз. А во-вторых, по поводу перспективы обнадеживающей: Когда у нас восстановили отмененную в конце тридцатых годов в вузах философию? В 1942 г. в Ашхабаде восстановили подготовку философов в МГУ. В 1942! Еще исход войны был неясен. Нужна, стало быть, стала. А сегодня мы работаем, чтобы философия продолжалась. Вот кафедра новая в Институте философии СПбГУ создана. И меня радует это соединение слов “культура” и “история философии”. Поэтому, что можно ходить в архив, чтобы описывать то, что было и ушло из нашей жизни, так сказать, антиквариат. Между тем, в действительности, история — это то, в чем и чем я живу, ведь я ее продолжаю. И отвечаю за то, как я ее продолжаю, на какие ценности при этом ориентируюсь. Но тогда история через меня неразрывно связана с миром культуры. Это ведь не так уж давно стало господствовать понимание культуры как способа организации общежития (на которое можно все свои грехи списать). А изначально, у Цицерона это слово означало воздвигание души. Тогда оказывается, что история имеет самое прямое отношение к сегодняшним проблемам, становится актуальной при решении фундаментальных проблем. Вот где нужна философия.

Конечно из истории можно “выпасть” или даже сознательно выйти, заменив историческую динамику догмой. Но в нее можно и вернуться, тем более что к этому подталкивают очень многие сегодняшние обстоятельства и риски. А вообще это наша с вами задача, профессионалы-философы, удержаться сегодня в истории. И этому, опять же, будет способствовать соединение истории и культуры на кафедре истории русской культуры и философии. Это объединение позволяет вернуть исследованиям культуры экзистенциальное измерение, а историко-философские исследования обогатить культурным контекстом. Конечно же, здесь есть проблемы. Но во главу угла здесь должны быть положены не проблемы различия философии и культурологии, а разговор о том, решению каких фундаментальных проблем бытия человека в XXI в. мы общими усилиями можем способствовать. Тогда это будет реальная работа. Тогда перспектива будет у гуманитарного знания. Для этого мы три часа и разговаривали — наметить перспективу совместной работы. И мне кажется, это у нас получилось.

Ссылки — References in Russian

Автономова 2006 — *Автономова Н. С.* О философском переводе // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 89–101.

Грякалов 2004 — *Грякалов А. А.* Письмо и событие: Эстетическая топография современности. СПб.: Наука, 2004.

Дудник 2015 – Дудник С. И. Философское образование в Петербургском университете // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2015. № 4. С. 5–9.

Ермичёв 2014 – Ермичёв А. А. Сюжеты и имена русской философии. СПб.: Азимут, 2014.

Малинов 2013 – Малинов А. В. Очерки по философии истории в России. СПб.: Интерсоцис, 2013.

Осипов 2016 – Осипов И. Д. Традиции философского образования в Петербургском университете // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. № 3. С. 54–64.

Подорога 2013 – Подорога В. А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XX–XXI веков. М.: Канон+, 2013.

Пружинин, Щедрина 2015 – Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г. Русская философия как культурно-исторический феномен: проблема целостности // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 2. С. 17–24.

Савчук 2009 – Савчук В. В. О ресурсе русской философии // Политическая концептология. 2009. № 4. С. 224–247.

Савчук 2012 – Савчук В. В. Топологическая рефлексия. М.: Канон+, 2012.

Соколов 2001 – Соколов Е. Г. Аналитика масскульты. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.

Щедрина, Пружинин 2012 – Щедрина Т. Г., Пружинин Б. И. Давид Юм и Густав Шпет: проблема эмпиризма в историческом познании // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 133–144.

Щедрина 2008 – Щедрина Т. Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008.

Щедрина (ред.) 2012 – Щедрина Т. Г. (ред.). Густав Шпет: Философ в культуре. Документы и письма. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012.

Voprosy Filosofii. 2017. Vol. 4. P. 116–138

Russian Philosophy in Modern World: Contexts of Actuality. Materials of a “Round Table”.

In 2016 in the Institute of Philosophy of Saint Petersburg State University was opened a department of “History of Russian philosophy and culture”. This event became a reason for discussion on the problems of modern Russian philosophy and culture in the contexts of actuality with the participation of journal *Voprosy Filosofii* and Institute of Philosophy of SPSU. In the sphere of history of Russian philosophy investigations so much and so completely was done that it makes possible to raise a question about actuality of Russian philosophical legacy, about appealing to the potential of its ideas to solve philosophical problems that appear nowadays, and even about formation of modern Russian philosophy as a component of world philosophical process. Investigations of Russian thought in our country passed through several stages. In the 1990’s was a publishing stage, that consisted in publishing the works of Russian philosophers that were unavailable to the readers before. The second archive-research, historical and philosophical stage (from the beginning of 2000’s) returned and restored that was uncompleted by Russian philosophers in the “broken flight” of their thought. At that time researches began to make more and more thorough attempts to include the ideas of Russian philosophers of XIX–XX centuries in the context of modern philosophical problematics. And on a background of this kind of investigations that were intended on actualization of ideas and traditions of Russian philosophy, presently the new research perspective (the third stage) began to take clearer outlines – an appeal to Russian philosophy as a rooted in Russian culture complete cultural-historical phenomenon that combines religious, positivists and phenomenological orientations. Here in the spotlight of historical and philosophical investigation are mutual influence of philosophers, their archives, correspondence, personal relations. And in a comprehensive plan special conceptual interest is caused by original interpretations of currently actual themes – communication, language, meaning of history, consciousness, cognition and education. First of all, on the discussion of these topics in the context of tradition of Russian philosophy and culture was aimed the discussion.

KEY WORDS: history of Russian philosophy, methodology of humanitarian research, philosophical education, cultural-historical approach, philosophical language (discourse), archive, reception, historical reconstruction.

Participants:

PRUZHININ Boris – DSc in Philosophy, Editor-in-chief of Journal “Voprosy Filosofii”, Leading Research Fellow at the Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Professor at Department of Philosophy of School of Humanities at Far Eastern Federal University, Professor at the School of Philosophy at the National Research University – Higher School of Economics, Moscow. prubor@mail.ru

DUDNIK SERGEY – DSc in Philosophy, Director of the Institute of philosophy at Saint Petersburg State University, Saint Petersburg.s.i.dudnik@gmail.com

ERMICHYOV Aleksander – DSc in Philosophy, Professor at Russian Christian Academy for Humanities, Saint Petersburg. 7723516@gmail.com

GRYAKALOV Alexey — DSc in Philosophy, Professor at Department of the philosophical anthropology and public communication, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg. alexalgr@mail.ru

ISUPOV Konstantin — DSc in Philosophy, Professor at Department of the Aesthetics and Ethics at Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg. kgisupov@mail.ru

KAMNEV Vladimir – DSc in Philosophy, Professor at Department of History of Philosophy at Saint Petersburg State University, Saint Petersburg. kamnevladimir@yandex.ru

KUZNETSOV Nikita – DSc in Philosophy, Professor at Department of Conflictology of Institute of philosophy at Saint Petersburg State University, Saint Petersburg. nikita2554@mail.ru

MALINOV Alexey – DSc in Philosophy, Professor at Department of History of Russian philosophy and culture of Institute of philosophy at Saint Petersburg State University, Saint Petersburg.a.v.malinov@gmail.com

OSIPOV Igor – DSc in Philosophy, Professor, Head of the Department of History of Philosophy at Institute of Philosophy at Saint Petersburg State University, Saint Petersburg. idosipov@mail.ru

SAVCHUK Valery – DSc in Philosophy, Professor at Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics of Institute of philosophy at Saint Petersburg State University, Saint Petersburg. vv1771@rambler.ru

SHCHEDRINA Tatiana – DSc in Philosophy, Professor at Department of Philosophy of Institute of Social Humanitarian Education at Moscow Pedagogical State University, Professor at Department of Philosophy of School of Humanities at Far Eastern Federal University, Vladivostok, Editor of Journal “Voprosy Filosofii”, Moscow. tannirra@yandex.ru

SOKOLOV Evgeniy – DSc in Philosophy, Professor, Acting head of Department of History of Russian philosophy and culture at Institute of philosophy at Saint Petersburg State University, Saint Petersburg. egslov@gmail.com

Citation: “Russian Philosophy in Modern World: Contexts of Actuality. Materials of a *Round Table*”. Participants: Pruzhinin, Boris I., Dudnik, Sergey I., Ermichyov, Aleksander A., Gryakalov, Alexey A., Isupov, Konstantin G., Kamnev, Vladimir M., Kuznetsov, Nikita V., Malinov, Alexey V., Osipov, Igor D., Savchuk, Valery V., Shchedrina, Tatiana G., Sokolov, Evgeniy G. (2017), *Voprosy Filosofii*, Vol. 4 (2017), pp. 116–138.

References

Avtonomova, Natalia S. (2006) ‘On a Philosophical Translation’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2006), pp. 89–101 (in Russian).

Cassin (ed.) 2004 – Cassin, Barbara (ed.) (2004). *Le Vocabulaire européen des philosophies (sous-titré Dictionnaire des intraduisibles)*, Seuil-Robert, Paris (in French).

Dudnik, Sergey I. (2015) ‘Philosophical education at st. Petersburg university’, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedeniye*, 4, pp. 5–9 (in Russian).

- Ermichyov, Aleksander A. (2014) *Plots and names of Russian philosophy*, Azimut, Saint Peterburg (in Russian).
- Gryakalov, Alexey A. (2004) *Letter and Event: Aesthetical topography of modernity*, Nauka, Saint Peterburg (in Russian).
- Malinov, Alexey V. (2013) *Essays on philosophy of history in Russia*, Intersocis, Saint Peterburg (in Russian).
- Osipov, Igor D. (2016) 'Traditions of philosophical education at St. Petersburg University', *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedeniye*, 3, pp. 54–64 (in Russian).
- Podoroga Valery A. (2013) *Metaphysics of landscape. Communication strategies in philosophical culture of XX–XXI centuries*, Kanon+, Moscow (in Russian).
- Pruzhinin, Boris I., Shchedrina, Tatiana G. (2015) 'Russian Philosophy as a Culture-Historical Phenomenon: the Problem of Integrity', *The Herald of Vyatka State University for the Humanities*, 2, pp. 17–24 (in Russian).
- Savchuk, Valery V. (2009) 'About resource of Russian philosophy', *Politicheskaya conceptologia*, 4, pp. 224–247 (in Russian).
- Savchuk, Valery V. (2012) *Topological reflection*, Kanon+, Moscow (in Russian).
- Shchedrina, Tatiana G., Pruzhinin, Boris I. (2012) 'David Hume and Gustav Shpet: The problem of empiricism in historical knowledge', *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2012), pp. 133–144 (in Russian).
- Shchedrina, Tatiana G. (2008) *The archive of an epoch: thematic unity of Russian Philosophy*, Rossiyskaya politicheskaya encyclopedia, Moscow (in Russian).
- Shchedrina, Tatiana G. (ed.) (2012) *Gustav Shpet: Philosopher in culture. Documents and letters*, Rossiyskaya politicheskaya encyclopedia, Moscow (in Russian).
- Sokolov, Evgeniy G. (2001) *Analytics of mass culture*, Sankt-Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo, Saint Peterburg (in Russian).